

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.4>

Крошнева Марина Евгеньевна

"Наконец-то я нашел..." Черты импрессионизма в очерках А. И. Куприна

Цель исследования - определить своеобразие эстетических категорий публицистики А. И. Куприна, посвященной образу Ленина. В статье на материале малоизученных очерков писателя собирается литературный портрет личности вождя, осмысливается авторская оценка политического лидера как человека особого содержания и свойства. Научная новизна заключается в доказательстве причастности Куприна традициям импрессионизма в искусстве (в частности, в литературе). Полученные результаты показали, что художественная образность Куприна формируется одновременно на разных уровнях: от эмоционально-экспрессивных речевых характеристик личности героя до фото- и кинематографических снимков, собранных с разных ракурсов посредством импрессионистического взгляда.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 17-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.4>

Дата поступления рукописи: 11.10.2020

Цель исследования – определить своеобразие эстетических категорий публицистики А. И. Куприна, посвященной образу Ленина. В статье на материале малоизученных очерков писателя собирается литературный портрет личности вождя, осмысливается авторская оценка политического лидера как человека особого содержания и свойства. **Научная новизна** заключается в доказательстве причастности Куприна традициям импрессионизма в искусстве (в частности, в литературе). **Полученные результаты** показали, что художественная образность Куприна формируется одновременно на разных уровнях: от эмоционально-экспрессивных речевых характеристик личности героя до фото- и кинематографических снимков, собранных с разных ракурсов посредством импрессионистического взгляда.

Ключевые слова и фразы: А. И. Куприн; публицистика; художественный образ; литературный портрет; импрессионизм.

Крошнева Марина Евгеньевна, к. филол. н., доц.
Ульяновский государственный технический университет
kroshneva@yandex.ru

«Наконец-то я нашел...» Черты импрессионизма в очерках А. И. Куприна

Актуальность темы исследования обусловлена интересом к личности Александра Ивановича Куприна и его литературе первых лет эмиграции. Многие произведения писателя, написанные в период революции и первые годы становления Советской власти, до сих пор остаются не введенными в литературный обиход и не изученными. В статье на материале очерков писателя о Ленине изучаются *стилистические системные аспекты литературы* Куприна, проводится анализ художественно-эстетических категорий произведений писателя, изучаются структурообразующие элементы художественной образности героя, прослеживается эмоциональный отклик писателя и его связь с эстетикой импрессионизма.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: отобрать очерки, посвященные образу Ленина; описать литературный портрет вождя в свете изменения авторской концепции взгляда автора на лидера как человека особого содержания и свойства; оценить методы работы писателя и условия возникновения литературной деятельности, дать структурный литературоведческий анализ художественного образа.

Для осмысления творчества Куприна-публициста в статье применяются следующие **методы исследования**: биографический, историко-генетический, сравнительно-типологический, структурный.

Теоретической базой исследования служили работы Б. О. Кормана, Ф. И. Кулешова, Т. И. Латыпова, В. Т. Захаровой, О. С. Фигурновой, Б. Хелмана.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье литературоведческий потенциал наследия Куприна может быть использован при разработке общих и специальных курсов по истории отечественной литературы, литературы русского зарубежья, истории журналистики, теории литературы. Выводы и положения работы могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Куприна.

Выдающийся писатель русского зарубежья М. А. Алданов в очерке-некрологе «Памяти А. И. Куприна» (1938 г.) искренне, с болью в сердце скорбел о кончине большого писателя. Произведение Алданова представляет собой определенную литературоведческую ценность – это не просто воспоминание о Куприне и его литературном даровании; это больше биографическое свидетельство глубокого понимания индивидуалистических особенностей личности писателя, где точно подмечены черты характера и нюансы определяющих свойств человека. Знакомство литературных деятелей началось, когда Алданов был еще гимназистом, и продолжилось тридцать пять лет, включая семнадцатилетний парижский период эмиграции – за это время они хорошо узнали друг друга. Алданов сообщал о Куприне следующее: «Отличительной чертой А. И. Куприна, кроме его большого таланта, был ум. Он был умен на редкость. Это видно и по его книгам, видно было и в жизни, хоть ум у него был не показной и не “блестящий”». Здесь же очеркист добавляет: «Ум, простота, юмор, знание жизни, тонкость суждения, все это создавало ему большое личное очарование» [1]. «Память у него была громадная, зрительная память совершенно феноменальная» [Там же]. «Был он человек очень своеобразный, в некоторых отношениях необыкновенный...» [Там же].

Оценка Алданова позволяет глубже понять метод работы писателя при создании им публицистических и литературно-художественных произведений, а также приближает нас к восприятию стилистических системных аспектов литературной деятельности Куприна как художника слова. На материале эмигрантской периодики о Ленине как вожде партии большевиков, уроженце города Симбирска-Ульяновска, проследим составляющие *ленинских* работ писателя (фактическое время и пространство информационного повода/события; черты действующих лиц и персонажей; определим портретную характеристику и психологизм создаваемого образа Ленина; характерные детали, указывающие на специфические черты личности и обстоятельства, в которых образ Ленина приобретает индивидуальность) с целью изучения своеобразие публицистики Куприна первых лет Советского государства.

В статье на материале нескольких очерков Куприна: «Владимир Ульянов-Ленин» (1919 г.), «Ленин. Опыт характеристики» (1920 г.), «Ленин. Моментальная фотография» (1921 г.) собирается литературный портрет личности Ленина. В названных произведениях, с разницей выхода в свет один год, звучит непосредственная разносторонняя оценка деятельности вождя как человека особого содержания и свойства. Кроме выделенных произведений, в публицистике Куприна содержатся другие работы, где упоминается образ Ленина, однако они не вошли в корпус исследуемых текстов ввиду малого объема нужных сведений (например, «Речь, сказанная тов. Лениным...», «Ленин», «Рака») [6, с. 143-144, 269-271, 367-369].

Итак, в литературно-критической статье «Владимир Ульянов-Ленин», подготовленной для белогвардейской газеты литературно-политического содержания «Приневский край» (Гатчина, Нарва, 1919-1920 гг.), был дан набросок широкого экспозиционно психолого-политического портрета Ленина в эпоху революции. Автор позволяет неточности биографических сведений, движется по истории России, но и формат издания допускает литературные коррективы прорисовки образности. С самого начала политического очерка Куприн прямо обвиняет Ленина в уничтожении государственности, шпионстве, измене Родине; Иван Грозный, по сравнению с Лениным, выглядит более гуманным политиком. Куприн начинает: «Он задушил русскую свободу и вернул Россию к самым темным временам бесправия, полицейского режима, пыток и казней. В страшные времена Иоанна Грозного русскому народу легче жилось и дышалось, нежели в Советской России в неистовые времена Владимира Ленина» [Там же, с. 135]. Автор критикует большевиков. В метафорической форме, сквозь настроения *отчаяния* и широту душевных переживаний за Родину, близких ему по духу в ту минуту, показывает в очерке, какие страдания принимает на себя Россия, утвердившая большевистский режим власти. Куприн-публицист открыто осуждает Ленина, ставит ему в вину развязывание террора, преступный сговор с немецкими властями: «Убийство и кровь не только не смущали Ленина, но они его радовали – он был сумасшедший. И вот его-то, умалишенного, избрали немцы своим орудием для того, чтобы уничтожить Россию и так ее ослабить, чтобы немецкое засилье могло снова в ней водвориться. Ленин с фанатизмом сумасшедшего принялся за исполнение своего сатанинского плана» [Там же, с. 137].

Из последней цитаты, за внешней характеристикой политических действий вождя и оценкой поведения, что Владимир Ульянов производил впечатление человека с хорошим здоровьем, автором проводится мысль о его психических расстройствах, проступающих посредством речи. Ленин «говорил незримо, без нафоса, без оживления, но был в его речах страшный яд, разжигавший толпу» [Там же], «была в его речах... страшная, таинственная, почти непонятная жажда смерти, убийства, разрушения...» [Там же]. Речь его «поражала страшными, необыкновенными выводами, поражала своим презрением к людям, доходившим до ненависти... Все, что мешало осуществлению его идеи, должно быть устранено, уничтожено» [Там же]. Авторские характеристики образа Ленина через нагнетающую экспрессию стилистически выразительных контекстуальных синонимов статьи («с фанатизмом сумасшедшего», «загадочной улыбкой сумасшедшего», «настойчивостью сумасшедшего», «помешан», «умалишенный» и другие, рассыпанные по ткани текста) придают образу вождя оттенки неодобрения его деятельности, а также пренебрежения и отвращения к самой личности.

Куприн создает портрет Ленина сложным, с разных ракурсов. Психологию вождя на индивидуально-неповторимых контрастах дополняют динамические отсылки к большим личностям эпохи (Керенский, Троцкий, Зиновьев, Калинин) или историческим фигурам прошлого (царь эпирский Пирр, Иван IV, Малюта Скуратов, Сильвестр, Адашев, Петр I, Павел I, Маркс), особость содержания которых преобладает над социально-типическим.

В очерке «Ленин. Опыт характеристики», опубликованном в еженедельной парижской газете «Общее дело», автор обращается к детским годам вождя и приводит мнения людей, близко знавших его: поэта-переводчика А. А. Коринфского (1868-1937), одноклассника по симбирской классической гимназии, и литературного критика Неведомского (настоящая фамилия: М. П. Миклашевский, 1866-1943), однокурсника по Казанскому университету. Интересно отметить, что оба свидетеля, подобранные Куприным, личности творческие и талантливые, однако в оценке самого очеркиста их «показания к сожалению, несколько вялые» [Там же, с. 280]. Оба обращают внимание на неспособность его в юности общаться по-дружески, находить общий язык с окружающими, одноклассниками, вести добрые беседы: «Личная дружба или приязнь не влекли его; чуждался он и беззаботных веселых молодых развлечений» [Там же, с. 280-281]. Однако к Ленину тянулись, так как в глазах однокашников он выглядел непререкаемым авторитетом, хотя и отрицательным, которому не было образца для подражания: «Он брал тем, что для него уже в ту пору не существовало ничего возвышенного и отвлеченного, никакой мечты и святыни» [Там же, с. 281]. По свидетельству Неведомского, в дискуссии Ленин не вступал, ждал подходящего момента, когда все утомится в спорах, и «тогда он просил слова и с холодной логикой, сжато излагал свое мнение, всегда самое крайнее, иногда единоличное. И он умел перегибать по своему решению сходки» [Там же]. Однокурсник по университету отмечал выдающиеся ораторские способности своего товарища, когда тот говорил о власти, даже талант доходить до крайностей, до речевого экстаза. Публицист точку зрения Неведомского передает в очерке следующим образом: «Он не мог без увлечения, без экстаза, даже без некоторой красочности говорить о будущем захвате власти» [Там же].

Описательно-речевые авторские характеристики Ленина становятся ведущими в создании психологического портрета вождя, придают новую выразительность герою, отражают социальные, личностные и индивидуальные особенности характера. Как литературный объект произведения Ленин-герой закрыт, единоличен, осторожен, изобретателен, злобен, аскетичен, язвительен. Включение небольших эпизодов-мнений знаковых героя по детству и юности дает писателю дополнительные оттенки семантике образности. Совмещение зрительно-наглядных и нравственно-оценочных значений образа подчеркивает проявление идейной

функции в произведении Куприна. Как писатель он таким образом показывает свою озабоченность поисками нравственных основ интересующей его личности.

Подробно, создавая образ-характеристику Ленина, Куприн-автор пускается в широкие, интересные, на наш взгляд, размышления о содержании власти в истории России. В каждом фрагменте повествователь неустанно думает только об одном человеке: присматривается к нему, вписывает в различные исторические ситуации-трансформации, обращается, объясняется, создает воображаемые диалоги, обрушивается с критикой, ненавидит, разочаровывается и опустошенный заканчивает.

По материалам очерков может показаться, что Куприн занимает положение политического писателя. Действительно, по исследованиям одних ученых, он предстает как яростный борец с Советской властью. В пример приведем выводы Т. И. Латыпова: «Публицистические выступления писателя... (октябрь-декабрь 1919 г.) показывают, что у него к тому времени сложились четко сформулированная резко негативная точка зрения на революционные преобразования в стране и дальнейшая программа действий – борьба – печатным словом – с Советской властью...» [8, с. 6]. По мнению куприноведа Ф. И. Кулешова, писатель «был далеко не безразличен к событиям политического характера» [5]. Иностранцы ученые также дают послылы о причастности Куприна к стану противников большевиков. Б. Хеллман указывал: «Большинство его статей – это мысли о революции или комментарии по поводу текущих событий в Советской России» [10, с. 11]. С другой стороны, по мнению родных и друзей писателя, складывается впечатление, что Куприн совсем мало интересовался политикой. Его дочь, Ксения, вспоминала: «Куприн всегда плохо разбирался в политике, был в ней наивным дилетантом» [7, с. 147]. М. А. Алданов указывал на далекие от политики взгляды Куприна и писал, что он «не был ни правым, ни левым, ни умеренным» [1]; «большевиков он ненавидел за то, что они “опоганили Россию”, уничтожили старый русский быт, который он так хорошо знал и, несмотря на свои прежние “обличения”, так искренно любил» [Там же]. Собранные отзывы свидетельствуют, почему Куприн страдал от политики большевиков и за что выступал в публицистике. Каждой клеточкой своей души он показывал глубокую связь с Родиной, любил Россию и боролся за Россию и прежнюю, и настоящую. В периодике Куприна встречаются разные лирические образы Родины (например, «Белое с голубым», «Московская Пасха», «Пасхальные колокола», «Две знаменитости», «Там», «Родина»), в которых с невероятной силой проступает большое авторское слово о родной земле. Через литературу (в том числе, в очерках о Ленине) силой писательского таланта Куприн старался выразить многие противоречия времени, в которых ему суждено было жить. Как автор лирических образов Родины писатель считается «носителем взгляда на действительность, выражением которого является все произведение» [4, с. 124].

О своем литературном труде, личной творческой направленности Куприн говорил очень просто. В очерке Андрея Седых имеется цитата из речи Куприна о деятельности писателя: «Писать я серьезно стал только, присмотревшись к жизни, набравшись впечатлений. Литературой занялся случайно. Скажу правду, писать не люблю, трудно мне писать, а рассказывать люблю, и жизнь тоже люблю. И еще люблю простых людей, есть у меня доступ к простым сердцам» [9, с. 12]. Думается, данная фраза Куприна раскрывает природу его литературного метода – сначала набрать впечатления и сосредоточиться на них, затем пропустить через себя, изложить (*выразить*) читателю. Примерно этой работой занимался Куприн, когда в декабре 1918 г. ему подвернулся случай ходатайствовать об открытии свободной от политических воззваний и предназначенной крестьянам газеты «Земля» – на личной встрече с Лениным он собирал нужный литературный материал. Впечатления писателя составили третий очерк о вожде «Ленин. Моментальная фотография». Куприн во многом писал его по памяти, опубликовал в том же издании – газете «Общее дело» (Париж) годом позже. Произведение начинается с практического целеполагания предстоящих событий и указания, что впервые отправился к человеку, чтобы посмотреть на него, поскольку в остальных случаях любые знакомства совершались простым образом, сами собой.

Касаясь жанра произведения, заявленного в названии как *моментальная фотография*, отметим использование Куприным передового в то время сценического способа повествования, характерного для кинематографа, в том числе фотографического искусства. Эта способность диктовалась потребностями эпохи, для которой было важным появление нового типа художественной личности с обновленной эстетической восприимчивостью.

В очерке «Ленин. Моментальная фотография» автор стремился по-новому запечатлеть человека, показать его в одном моменте таким, каков он являлся в действительности в чреде движений, жестов, взглядов. Автор словесно фотографировал детали, позы, отмечал отдельные слова речи, чтобы совершенно по-иному показать жизнь интересовавшего его человека, и таким образом помочь читателю сложить картинку впечатлений о нем. Обозначим эту стилевую тенденцию писателя импрессионистической.

Теоретическое обоснование импрессионизма в различных видах искусства довольно широко описано в трудах Л. Г. Андреева «Импрессионизм» (1980 г.), Н. А. Дмитриевой «Краткая история искусств» (1993 г.), Р. Дж. Коллингвуда «Принципы искусства» (1999 г.), Ж. П. Креспеля «Повседневная жизнь импрессионистов» (1999 г.). О чертах импрессионизма в литературе как искусстве слова писали Б. В. Михайловский в исследовании «Декадентство. Импрессионизм» (1938 г.), И. Г. Эренбург в научном сочинении «Импрессионисты» (1958 г.), А. Эйдис в работе «Настоящий женский роман» (1999 г.) и другие.

Импрессионизм в литературе возникает как тенденция, демонстрирующая новое восприятие реальности, которая фиксирует восприятие мимолетного, сиюминутного явления. В качестве опорного приведем мнение Ю. Б. Борева о понимании импрессионизма: «Художественное направление, стремящееся естественно запечатлеть окружающий мир в его изменчивости, передавая свои впечатления... новый тип восприятия

мира» [2, с. 144]. К месту слова современников о том, что *«импрессионизм был бессознательным предвосхищением нового видения мира и примером нового метода познания – взглядом на мир именно как на соотношения сил и взаимозависимостей, в котором человек является одновременно и наблюдателем, и одной из действующих сил»* [3, с. 16]. Как умный наблюдатель, автор помогает читателю силой внутренней творческой взволнованности получить эмоции и вызвать на них отклик в душе читателя. Куприн писал: *«Самого главного, конечно, не скажешь; это всегда так же трудно, как описывать словами пейзаж, мелодию, запах»* [6, с. 312].

У Куприна литературная стилистика импрессионизма отражается через набор кинематографических техник, проявляющихся как в композиции произведения, так и в наборе лексических и синтаксических средств языка, которые способны обеспечить динамику изображения. В очерке описание вождя дается с двух точек зрения, через смену планов художественной выразительности. Издалека внешние черты помещений Кремля, где работает главный человек новой России, поражают убожеством и запущенностью: *«Тов. Ленин живет в комендантском крыле... Оттуда по каменной, грязной, пахнувшей кошками лестнице мы поднялись на третий этаж в приемную – жалкую, пустую, полутемную, с непромытыми окнами, с деревянными скамейками по стенам, с единственным хромым столом в углу»* [Там же, с. 309]. Место многое может сказать о его обитателях: кабинет вождя, включенный в общую композицию произведения, оправдывает смысл, возложенный на него. Он такой же мрачный, пустой, в темных обоях, еще больше усугубляет общее представление о происходящем не только в Кремле, но и в стране. Затем точка наблюдения автора-повествователя сужается до трех черных кресел и громадного письменного стола. Потом она переходит на уровень художественного образа Ленина. Этот фрагмент текста (как и другие) показан через монтажную технику композиции, за счет которой ситуация наблюдения изображается в динамике.

Вторичные признаки литературной фотографии и кинематографии писателя проявляются через фотоцитаты, образы фотографа, аллюзии, связанные с процессом фото- и кино-действия. Он использует выражения *«фотографические ракурсы», «на фотографиях удаются», «доволен тем, что остался в роли наблюдателя», «приглядываюсь», «засмотрелся», «увидел».*

Показывая героя очерка в динамике, с разных фокусов, с опорой на глагольные формы совершенного вида, автор подробно останавливается на образе походки, движениях, жестах, находит неожиданные метафорические сравнения с внешностью: странность в походке, хромота на обе ноги, как у всадников, а движения повторяют неуклюжесть медведя. Жесты у него не менее странные, тыкающие и неприятные. Характеристики голосового аппарата отражают большую внутреннюю силу человека, им обладающего. Речь, в основном, специфического характера, для которой характерны высокомерно-уничижительные фразовые высказывания. Описывая детали одежды, автор делает выводы о скромности, хорошем вкусе, переходит к заключению об отменном здоровье вождя: *«И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите»* [Там же, с. 310-311].

Приемы антитезы, контраста, сопоставления, разноуровневой композиции отражают сложную натуру образа, в которой живет энергетика лидера. Сочетание различных перспектив и приемов изображения – важнейшее средство выражения авторской идеи: приблизиться к человеку так близко, чтобы увидеть психологию до мельчайших черточек и оттенков цвета во всей полноте и выразительности, а затем обнаружить их в характере. Куприн делает вывод, что во внешности Ленина нет ничего, чтобы отталкивало бы от него или придавало бы ему величия. В новом взгляде на человека у автора меняется отношение к объекту изображения: вместо тональности *неприятия* и *отвращения*, образности *сумасшедшего человека*, автор подводит к организации у читателей нормальных уравновешенных эмоций. Это характерно для литературного импрессионизма, где усиление многослойности авторского начала приводит к погружению в образ. «Стремление что-то объяснить читателю, рассказать – для импрессионистического письма нехарактерно. Главное – чувственно-острый образ, рожденный преломленным личностным впечатлением. Впечатление же зачастую бывает лирически окрашенным, сращенным с тем настроением, которое возникает благодаря ему» [3, с. 26].

Куприн *вживался* в своего героя – таков был его творческий метод и условия создания художественного образа в литературном произведении. Цитируем писателя: *«Ночью... я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и... испугался. Мне показалось, что на мгновение я как будто бы вошел в него, почувствовал себя им»* [6, с. 312]. Сохранились свидетельства друзей Куприна, подтверждающие наши выводы. Андрей Седых в книге «Далекие, близкие» выразил мнение Куприна о методах его литературной деятельности: *«“Ничего никогда я не выдумывал”, – говорил мне Куприн о методах своей работы. – Жил я с теми, о ком писал, впитывал их в себя, барахтался страстно в жизни. Потом все постепенно отставало и нужно было только сесть за стол и взять в руки перо...»* [9, с. 8].

Характеризуя внешность, автор использует прием ретроспективы и усложняет его цветовыми описаниями, где сосредотачивается на палитре теплых оттенков красного, расставляющей акценты на силе, энергии, страстности натуры художественного образа: *«...борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных».* Здесь автор дорисовывает свой образ: *«...как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты»* [6, с. 311].

В связи с особым цветом глаз автор останавливается подробнее на их описании, привлекает колорит цвета и схватывает его фактуру, ищет точное природное соответствие. С точностью художника-импрессиониста описывает оттенок цвета глаз: от зрелой ягоды шиповника – до золотисто-красного с синими искрами. Благодаря неожиданности сочетания подобранных красок чувствуется в этом особая увлеченность образностью человека,

некоторая авторская задушевность. Цитируем фрагмент источника: «Подыскивая сравнение к этому густо и ярко-оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника... Лишь прошлым летом в парижском Зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: “Вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз!” ...у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они – точно проколы, сделанные тоненькой иголкой, и из них точно выскакивают синие искры...» [Там же].

В финале очерка автор открыто высказывает собственное мнение. На композиционном уровне прямоочечной точки зрения в лирическом ключе Куприн отвечает на свои главные вопросы: каким человеком является Ленин? Что собою представляет его внутренний мир? «В сущности – подумал я, – этот человек, такой простой, вежливый и здоровый... вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз... камень, в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая – уничтожаю...» [Там же, с. 312].

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**. В отобранных произведениях о Ленине герой подается автором последовательно, эмоционально и широко, с высоты исторических перспектив, различных сюжетных точек зрения. Он показан читателю как личность авторитетная и контрастная. Психически нездоровая и неприятная внешне, при пристальном фотографическом рассмотрении автора она приобретает противоположные черты: обнаруживается больше положительных характеристик. Психологический портрет героя складывается из функциональности литературных приемов, используемых писателем: от традиционных актов рассказывания, где повествователь прорисовывает идейно-эмоциональную основу образа, – до новаторских, изображающих героя в концепции стилистики импрессионизма. Благодаря выбранному писателем жанру словесной фотографии была найдена особенная деталь портрета, которую он не мог, в силу разных обстоятельств, увидеть раньше, – это цвет глаз. Таким образом, в *тексте писателя о Ленине* цветовые характеристики портрета, идущие от литературы импрессионистов, подводят к дальнейшему изучению психологической компоненты публицистических произведений писателя, включая литературные эксперименты, идущие от *восприимчивого* взгляда на мир.

Тема исследования имеет **перспективу дальнейшего изучения**. Творческое наследия И. Куприна может рассматриваться в концепции импрессионистической поэтики русской литературы И. Бунина, Б. Зайцева, И. Шмелева, В. Розанова и других.

Список источников

1. Алданов М. А. Памяти А. И. Куприна [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/aldanow_m_a/text_1938_kuprin.shtml (дата обращения: 29.09.2020).
2. Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель; АСТ, 2003. 575 с.
3. Захарова В. Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века: монография / отв. ред. В. Т. Захарова. Н. Новгород: НГПУ, 2012. 271 с.
4. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / пред. и сост. В. И. Чулкова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
5. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна, 1907-1938 [Электронный ресурс]. URL: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/kritika-o-kuprine/kuleshov-tvorcheskij-put/6-chasti-1-5.htm> (дата обращения: 11.09.2020).
6. Куприн А. И. Голос оттуда: 1919-1934. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки / сост., вступ. ст., примеч. О. С. Фигурновой. М.: Согласие, 1999. 736 с.
7. Куприна К. А. Куприн – мой отец. М.: Советская Россия, 1971. 256 с.
8. Латыпов Т. И. А. Куприн – публицист в общественно-политическом контексте России, февраль 1917 – октябрь 1919 гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2001. 22 с.
9. Седых А. А. И. Куприн // Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Новое Русское Слово, 1979. С. 7-17.
10. Хеллман Б. Александр Куприн в Хельсинки // Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии: публицистика (1919-1921) / сост., вступ. ст. и комм. Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса. СПб.: Журнал «Нева», 2001. С. 2-22.

“At Last I’ve Found...” Impressionist Features in A. I. Kuprin’s Literary Sketches

Kroshneva Marina Evgenevna, PhD
Ulyanovsk State Technical University
kroshneva@yandex.ru

The purpose of the study is to determine singular nature of aesthetic categories in A. I. Kuprin’s publicist writings dedicated to Lenin’s image. The article, using the material of the writer’s little-studied literary sketches, puts together a literary portrait of the leader’s personality, analyses the author’s assessment of the political leader as a person of particular substance and character. Scientific novelty of the research testifies to Kuprin’s connection to impressionist traditions in art (in particular, in literature). The attained results have shown that Kuprin’s artistic imagery simultaneously emerges at different levels: from emotionally expressive speech characteristics of the hero’s personality to photo- and cinematographic images collected from different angles through impressionistic perception.

Key words and phrases: A. I. Kuprin; publicistic writings; artistic image; literary portrait; impressionism.